

В одной из рецензий литературного критика Алексея Колобродова есть, на мой взгляд, жестокие, но очень точные слова: “...У молодых писателей не бывает частичного попадания. Либо есть полное, либо нет никакого”.

Да, стать *настоящим* хотя бы для небольшого круга читателей с частичным попаданием невозможно. Но что такое “попадание”?

Одного текста мало, даже если допустить, что в нём – полное попадание. На текст попросту не обратят внимания. Нет, обратят – десяток человек от силы. И даже если они начнут неистово пропагандировать этот текст другим, вряд ли кто клюнет. При нынешней информационной плотности взять и открыть расхваленную горсткой людей книгу неизвестного автора – вариант почти утопический.

Плюс к тексту нужна фигура живого, реального, что-то ещё сделавшего человека. Сделавшего даже глупость, но шумную.

Вспомним жёлтую кофту Маяковского, то ли мифические, то ли вполне реальные русские сапожки с каблукком Есенина... Вспомним и более давних. К примеру, Державина.

Он ведь писал и публиковал оды и до прославившей его “Фелицы”. Десять лет публиковал, и не видел никакой реакции. А потом решился напечатать “Фелицу”, за которую его вполне могла покарать и сама Екатерина II, и, что вероятнее, её окружение, которое в оде было выведено, мягко скажем, нелицеприятно... Но Державин рискнул – и выиграл. И стал не только первым поэтом своего времени, но и государственным мужем.

Кстати, через несколько лет Гавриил Романович преподнёс императрице стихотворение “Властителем и судиям” и чуть было не загремел в Петропавловскую крепость. Приобрёл ярлык якобинца и, в конце концов, был “уволен от всех должностей”...

По сути, ни один заметный писатель не приходил в русскую литературу тихонько, скромно, бочком. Чаще всего – врывались. В том числе и в советское время, которое теперь многими воспринимается как десятилетия некой если не тюрьмы, то казармы.

Да это и естественно – врываться. В который раз рискну процитировать высказывание Виссариона Белинского: “Шум, конечно, не всегда одно и то же с славой, но без шума нет славы”.

Последнее относительно шумное вторжение в литературу произвели новые реалисты и их сверстники (не по возрасту, а по дебюту) в первой половине нулевых: Сергей Шаргунов, Василина Орлова, Денис Гуцко, Дмитрий Новиков, Ирина Мамаева, Захар Прилепин, Аркадий Бабченко, Анна Козлова, Герман Садулаев, Андрей Рубанов, Олег Зоберн, Илья Кочергин, Игорь Савельев, Александр Снегирёв, Евгений Алёхин, Наталья Ключарёва... Тогда же появилось поколение довольно шумных поэтов, любивших состязаться на слэмах, “Полюсах”. Подходящая атмосфера породила и плеяду критиков: Андрея Рудалёва, Валерию Пустовую, Юлию Качалкину, Сергея Белякова, Алису Ганиеву (затем перекочевавшую в прозаики), Дарью Маркову, Елену Погорелую... Накатила волна и новых драматургов...

Нельзя сказать, что все эти, да и десятки и десятки не названных мною по именам авторов вытворяли что-то особенное. Но и не входили бочком. Можно сказать, что им повезло со временем: к моменту их первых публикаций возникла потребность в *новом* и при этом таком *новом*, которое бы хоть отчасти отражало, осмысляло реальную действительность. У них оказались сторонники и противники среди представителей старших поколений. Разгромные статьи перемежались прославляющими; тиражи книг некоторых тогдашних молодых даже сжигали в издательских дворах или пускали под нож...

В конце нулевых и в десятые годы новые талантливые авторы, конечно, тоже появляются, но их появление, как правило, происходит почти незаметно. Совсем мало рецензий, нет жарких обсуждений, споров, дискуссий.

Каждый наблюдающий за нашей современной литературой наверняка может привести свои два-три примера более или менее заметного дебюта, но общую картину это вряд ли изменит: молодых ярких писателей у нас крайне мало. Но талантливых, по-настоящему талантливых – много.

В чём дело?.. По-моему, в том, что они приходят поодиночке.

Конечно, можно возразить, что писательство – дело одинокое, сбиваться в стаи нельзя. Но ведь всегда сбивались. И до Пушкина, и при Пушкине, и после Пушкина. Объединялись вокруг какого-нибудь журнала, какой-нибудь политической, эстетической идеи, придумывали направления. Боролись. Футуристы боролись с символистами, имажинисты – с футуристами. Славянофилы – с западниками, либералы – с почвенниками. И наоборот.

Новые реалисты начала нулевых попытались потеснить постмодернистов, а новых реалистов довольно долго никто не пытался потеснить. Критиковали, убеждали неизвестно кого, что нового реализма не может существовать по определению, что реализм всегда один – обычный, и всё. Но даже такую простенькую идею, как “новый реализм” нужно было вытеснить другой идеей, а её до последнего времени не существовало.

Возникло было некое, кажется, виртуальное – без собраний, споров о целях – объединение “Последние 30”, в которое вошли авторы, рождённые в 1985 году и позже (Арслан Хасавов, Антон Секисов, Ольга Брейнингер, Алиса Ганиева, Максим Матковский и ряд других), то есть представители постсоветского поколения. Был даже выпущен альманах, но особого резонанса объединение и альманах не вызвали. Может быть, из-за того, что не заявили о себе громко, манифестом...

И вот не так давно в журнале “Наш современник” (2016, № 10) появилась статья Андрея Тимофеева “Новые традиционалисты” как будущее русской литературы”. “Наконец-то, – подумал я, – появилось ещё что-то новое”.

Статья с поистине манифестальным названием оказалась обстоятельной, аргументированной, но очень спокойной, слишком взвешенной. Она не раздражала, не вызывала на спор... В общем-то, её если и заметишь, то с пониманием (мол, молодым всегда нужно выделиться), а не с желанием ответить.

Как критика я знал Андрея Тимофеева и до этой статьи. Время от времени мне попадались на глаза то бумажные, то электронные номера газеты “Российский писатель”, где я встречал рецензии, небольшие статьи на литературные и политические темы Андрея Тимофеева под рубрикой “Дневник читателя”. В журнале “Октябрь” (2015, № 12) я прочёл его очень колючую (в отличие от “Новых традиционалистов...”) статью “О новой органической критике”. И постепенно складывалась картина молодого (по возрасту) литературного критика, недовольного тем, что делали и делают те, кто пришёл в литературу за десяток лет до него.

Недовольство справедливое. Но что, а вернее кого он предлагал взамен,

до статьи “Новые традиционалисты”...” я толком не видел. В четвёртом номере журнала “Новый мир” за 2014 год (кстати, Тимофеев печатается в совершенно разных изданиях, и никого, кажется, это нынче не возмущает, а в начале нулевых тогдашних молодых ругали со всех сторон очень страшно за возмутительную неразборчивость и всеядность) я прочитал рассказ Андрея “Свадьба”. Рассказ очень сильный, но, кажется, мало чем (по крайней мере, на первый взгляд) отличающийся от “нового реализма”...

И вот статья, где дано и название тому, что должно потеснить новый реализм, и приведены имена новых традиционалистов: Андрей Антипин, Елена Тулушева, Юрий Лунин, Алёна Белоусенко, Иван Маков... А следом – книга Андрея Тимофеева “Навстречу”. 250 страниц, с четверть которых занимает литературная критика, а остальное – проза.

Запомнилось признание писателя Алексея Варламова в уже давнем интервью журналу “Фома”, что он хочет написать православную повесть, в которой бы не было ни слова о Боге, церкви, самом православии, но была бы православная суть... Не знаю, написал ли Варламов такую повесть или нет, но разделяю его желание и понимаю, как это сложно. Особенно людям, выросшим в те времена, когда православие было если и не искоренено из жизни, то глубоко спрятано, забито в угол...

Наверное, действительно православную прозу способны писать сегодня молодые люди, сформировавшиеся в конце 90-х – начале нулевых.

1990-е сейчас воспринимаются у нас, в основном, как времена беспредела, бандитских войн, падения моральных, нравственных, патриотических устоев. Но это было и время возвращения православия. И как раз те, кому сейчас около тридцати или совсем немного за тридцать, впитали это возвращение детскими. Вернее, многие из них. В том числе и те, кого Андрей Тимофеев отнёс к новым традиционалистам. И он сам, конечно.

В прозе Тимофеева есть и “церковь”, и “Бог”, но главное, что она по-настоящему, как-то не в лоб, органично православна. Как православна, при всей её сложности, практически вся русская литература XIX века.

В сложные ситуации, перед сложным выбором ставит своих героев и Андрей Тимофеев. У него нет громкой радости обретающего веру, нет слёз умиления, нет нравочувствительства, которые так часты у православных писателей старших поколений (обретших веру или художественно заявивших о ней в зрелом возрасте). Герои Тимофеева скорее пугаются своего преображения, чем радуются ему. Вот пример из повести, давшей название книге:

“Было темно, передо мной сгрудились несколько маленьких старушек, похожих друг на друга, будто слепленных из одного теста, сверху пел хор, откуда-то издалека доносился голос священника, неразборчиво читающей молитву. Всё это было так знакомо, ничего необычного, та же обстановка, которую я помнил с детства. Может, только какая-то ностальгическая грусть могла бы закрасться мне в сердце, да и той не было. И странным казалось, что когда-то эта обстановка производила на меня такое сильное впечатление, что могла даже влиять на мои мысли. Теперь я всё видел отчётливо, не обманываясь и не придумывая ничего.

Но в то же время с первых же секунд, как только я вошёл, какая-то неясная тревога охватила меня, будто на самом деле что-то было не так. Я пытался прислушаться к себе, но никак не мог объяснить это странное изменение, пока вдруг так отчётливо не осознал, что в этой церкви, кроме священника, хора, старушек и меня, есть кто-то ещё. Я стоял, ощущая его присутствие в окружающей меня темноте, и с каждым мгновением всё яснее мне становилось, что это Он. А когда я понял это до конца, неожиданный животный страх прошиб меня насквозь, так что я не мог вынести ни секунды и бросился прочь.

Помню, в ужасе стоял на крыльце и пытался отдышаться. Вокруг был тот же мир, я слышал шум проезжающего трамвая, слышал, как где-то шелестят ветви на деревьях, голоса рабочих, доносившиеся из-за церкви, – мир жил своей обычной жизнью, призрак рассеялся, но я-то знал, что там, внутри, Он по-прежнему есть. Тогда я почувствовал, как мне хочется опять ощутить Его присутствие, как мне больно и невозможно стоять сейчас здесь, на крыльце, и как тянет меня обратно...

Я глубоко вдохнул и медленно, боязливо опять вошёл внутрь”.

Говоря о том, что проза Андрея Тимофеева – православная, я не имею в виду, что его герои, обретая веру, становятся счастливыми, обретают смысл

жизни, понимают, как надо и как не надо. Нет, у Тимофеева всё сложнее. Вообще, по моему мнению, это один из самых сложных писателей, появившихся в последнее время. Не стилистически, а психологически.

Это относится и к повести “Медь звенящая”, главный герой которой, Дубов, ой, как не прост, и к рассказу “Свадьба”, который в контексте книги приобретает совсем другой смысл, и к другим произведениям.

Необычайно глубок коротенький рассказ “У моря”. Сюжет такой: молодые Оля и Максим проводят медовый месяц в Крыму. По пути из Севастополя в Ялту они оказываются в одной маршрутке с подвыпившими молодыми парнями, которые безобразно матерятся. Максим не выдерживает и “с ненавистью” кричит на парней.

Оля вместо того, чтобы мысленно одобрить мужа, “с удивлением смотрела на него, она никогда ещё не слышала, чтобы он так кричал, и только сильнее вжалась в кресло”. И потом, в Ялте, “Оле стало жутко, оттого, что она находится в каком-то неизвестном городе, за сотни километров от дома, с чужим, почти неизвестным ей человеком. Она рассеянно глядела по сторонам и в полусонном состоянии двигалась за мужем. Будущая жизнь вдруг представилась ей огромным пустым пространством, таким же бесконечным, как раскинувшееся перед ней тревожное вечернее море”.

Да, Тимофеев, да и Антипин, Лунин, Тулушева, Белоусенко пишут очень простым, действительно *традиционным* языком. Никаких стилистических изысков, нарочитых усложнений, игры с хронологией, реальностью. Но это очень тонкая проза. Вот только найдутся ли те, кто не только оценит эту тонкость (горстка почитателей у каждого из этих авторов есть), но и сможет о ней рассказать интересно и увлекательно. Привлечь так называемого широкого читателя.

В начале книги Андрея Тимофеева помещены несколько довольно подробных отзывов о его прозе Михаила Лобанова, Геннадия Иванова, Александра Сегеня, Алексея Татарина. Там не только хвалебные слова, а такие мини-разборы. Но это написано *старшими*, а для глубокого разговора нужны слова *сверстников* Тимофеева и других традиционалистов.

Они, традиционалисты, в основном люди уже не юные – им за тридцать. Опубликовано немало, есть и книги. Но вот резонанс до обидного слабый. Нужно что-то предпринять. Или им самим (что и сделал своей статьёй Тимофеев), или тем, кто ещё остался в цеху литературных критиков.

Хорошо бы было, если бы книга “Навстречу” разбудила нового критика, как когда-то повесть Сергея Шаргунова разбудила Валерию Пустовую. Пора.